

development of society is increasing. The sphere of the social and human sciences is becoming increasingly important for scientific progress and social development. In this regard, the strategy for the development of science must take into account the humanity aspects of technological development.

Keywords: modern science, humanity, global challenges, social development.

ФАКТОР СУБКУЛЬТУРНОЙ СЕГМЕНТАЦИИ И ИДЕАЛЬНО-ТИПИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНСОЦИАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Владимир Осипов

*Кандидат философских наук,
Старший научный сотрудник Института
философии, социологии и права НАН РА*

В последние несколько лет в Армении все большее распространение получило понятие “консоциативная демократия”. Группа политологов начала изучать разнообразные черты этой формы демократии, а также и вопрос о том, приемлема ли и желательна ли последняя для нашей страны и региона¹. Одной из проблем, которая еще не была адекватно рассмотрена, является фактор субкультурной сегментации в контексте Армении. Настоящая статья преследует цель в какой-то степени заполнить этот пробел и послужить толчком для последующих дискуссий относительно различных аспектов модели консоциативной демократии и ее актуальности для пост-советских стран и стран, находящихся в состоянии “транзита”.

В идеально-типической модели консоциативной демократии ключевое место занимает широкий спектр вопросов, относящихся к *сегментарной структуре общества, к роли и теоретической и практической значимости* сегментов как ключевых “генетических” факторов данной парадигмы и, соответственно, к *автономии и власти сегментов* с точки зрения возможностей создания большой коалиции. К их числу относится и специфика субкультурной сегментации, особенно в контексте этнически

---

¹ См., например, Կոնսոցիատիվ ժողովրդավարություն: Քաղաքական կազմաբանությունը և իրացման ներուժը: Եր., , Լիմուշ, 2017. – 116 էջ: (Консоциативная демократия. Политическая морфология и потенциал реализации. Ер.: Лимуш, 2017. – 116 С. (на армянском языке). Շիրինյան Լ., Սուրբապյան Հ., Օրդուխանյան Է., Հարավային Կովկասը կոնսոցիատիվ ժողովրդավարության համատեքստում. Եր.: Լիմուշ, 2018. 118 էջ. Շիրинян Л., Сукиасян А., Ордуханян Э., Южный Кавказ в контексте консоциативной демократии. Ер.: Лимуш, 2018. – 118 С. (на армянском языке).

гомогенного общества в Армении. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотрения ряда аспектов субкультурной сегментации как одного из важнейших факторов в указанной модели и влияния субкультурной сегментации на перспективы возникновения и консолидации консоциативной демократии в Армении.

Прежде всего, когда мы говорим о сегментарной структуре общества – даже в рамках лейпхартовской парадигмы консоциализма – имеет смысл помнить, что этот термин имеет определенную и длительную традицию употребления в рамках социальной и культурной антропологии, а также философии, социологии и политической науки. Сегментарные общества в этой традиции рассматриваются как существовавшие в основном до эпохи модерна. Теория Эрнеста Геллнера о сегментарных обществах подчеркивала как их многосоставность и плюрализм, так и тот факт, что они хотя и ограничивали власть политического центра, но при этом подавляли своих членов. Поэтому Геллнер и называл эти общества одним из двух главных *соперников гражданского общества* (вследствие своего “удушающего коммунизма”²) и тем более, можно добавить, **демократии**.

Конечно, было бы непродуктивно отказываться от термина “сегменты”, поскольку именно его специфика позволяет четко представить те объекты исследования, для описания которых четкие, устоявшиеся термины (такие как страты, социальные группы, классы и т.д.) недостаточно эффективны. Вместе с тем, сегменты не должны ассоциироваться с архаикой и тем более восприниматься исключительно как структурные компоненты сегментарного общества.

Возможно, следует поставить вопрос о практической (эмпирической) применимости консоциативной демократии и ее теоретического потенциала в современных реалиях конкретного общества, в данном случае армянского.

Если исходить из теории Лейпхарта, то говоря о сегментарной структуре и о взаимодействии между сегментами, следует помнить, прежде всего, о том, что речь идет не просто об обществе, в котором существуют и взаимодействуют различные сегменты, но о **демократическом³ и многосоставном обществе**. Возможно, я ошибаюсь, но мое понимание теории Лейпхарта и его последователей таково, что **она применима только к демократическим системам**.

---

² Gellner E., Conditions of Liberty // Civil Society and Its Rivals. London, etc.: Penguin Books, 1996, p. 7-12.

³ См.: Butenschön Nils A., Conflict Management in Plural Societies: The Consociational Democracy Formula // Scandinavian Political Studies, Bind 8 (New Series), № 1-2, 1985, p. 86.

Иначе говоря, консociативная демократия – это не просто один из видов демократии, но также и более продвинутый этап последней. Мне представляется, что она представляет собой специфическую, неуниверсальную стадию в процессе консолидации демократии и перехода от выборной демократии к демократии либеральной. Это, на наш взгляд, такой тип демократии, который базируется на выборной демократии, но не сводится к ней, и который превосходит формальную, номинальную форму демократию по ряду субстантивных аспектов.

Таким образом, дискутируя о целесообразности и даже просто о возможности достижения консociативной демократии в конкретной стране, следует прежде всего доказательно продемонстрировать, что данная страна, ее политическая система и практика являются **демократическими** или, как минимум, что наличествует **критическая масса значимых элементов демократического устройства**.

Мне представляется, что каким-то образом в дискуссиях мы несколько обходим стороной этот вопрос. Иначе говоря, по умолчанию мы постулируем, что, например, Армения - это демократическая страна. Но так ли это? Разве Армения последовательно и систематически не демонстрировала на протяжении всей своей пост-советской истории характеристики, присущие авторитарному обществу, по крайней мере до “Бархатной революции” 2018 года? И еще предстоит убедиться, удастся ли их полностью и окончательно преодолеть. Исторический опыт подсказывает, что даже удачные революции, в том числе революции, победившие без вооруженной борьбы и гражданской войны (как, например, “бархатные революции”, “оранжевая” и некоторые другие “цветные” революции), не исключают возврата к авторитарным практикам при сохранении демократической риторики. Могут (предположительно временно) нарушаться и ограничиваться некоторые политические и гражданские права, особенно ряда “невидимых” или “молчаливых” меньшинств, а также лиц, которые не вписываются в доминирующий нарратив или отвергают его. В качестве примера можно привести довольно-таки распространенную практику ограничения социальных свобод женщин. Иными словами, нередко за внешне демократическим антуражем могут скрываться авторитарные практики, подрывающие первоначальную направленность и энергетику демократических реформ.

Остановимся на трех ключевых характеристиках авторитарного общества:

(i) правящая партия (или даже один правитель) остаются во власти неопределенно долго (полагаю, что специалистам-читателям данной статьи хорошо известен знаменитый тезис Сэмюэля Хантингтона о двух

последовательных случаях смены власти посредством выборов без коллапса демократического конституционного порядка [так называемый “two-turnover test”]⁴ и что поэтому не стоит подробно останавливаться на нем);

(ii) власть неподотчетна обществу;

(iii) политические свободы существенно ограничены.

Даже поверхностный взгляд стороннего наблюдателя выявит не просто наличие всех этих трех признаков в Армении, но и заметное усиление авторитарных тенденций в последние годы вплоть до мая 2018 г. Значительная часть наиболее одиозных проявлений авторитаризма с тех пор устранена и предприняты определенные шаги по демократизации общества и государства, но по ряду существенных параметров ситуация по-прежнему остается неопределенной, что дает повод для обоснованной озабоченности.

Без реальной конкуренции в политике даже сложившаяся демократия не выдержит испытания, так как “выродится в демократический Левиафан”⁵, что оборачивается отчуждением и фрустрацией большинства членов данного общества. Модель консociативной демократии предполагает, что тот, у кого власть, делится ею, но как показывает практика, в Армении никто не спешит поделиться властью. Наоборот, наблюдается концентрация и централизация власти у очень узкого социально-политического сегмента. Но если до “Бархатной революции” этот процесс был результатом подтасовок в ходе выборов, насилия, запугивания, подкупа и манипуляций, то после нее в его основе лежат как формально демократические процедуры, так и методы, интерпретируемые как “прямая демократия”, но воспринимаемые частью социума как давление при помощи методов массовых уличных акций и апеллирования к массам и их мобилизации.

Можно заметить и то, что эти тенденции проявлялись на протяжении многих лет не только в политической сфере, но и “выплескиваются” в другие сферы жизни общества.

---

⁴ **Huntington**, Samuel. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991, p. 267. Уже не говоря о тезисе Хуана Линца и Альфреда Степана о том, что консолидация демократии происходит тогда, когда демократия стала “единственной игрой в городе”, т.е. она – безальтернативна. (См.: **Linz, Juan J. and Alfred Stepan**, *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996, p. 5). Саму метафору в контексте процессов консолидации демократии они позаимствовали у Джузеппе ди Пальма. (См.: **Palma, Guiseppe di**. *To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transition*. Berkeley: University of California Press, 1990, pp. 137-155).

⁵ **Butenschön, Nils A.** *Op. cit.*, p. 87.

Например, наблюдалась тенденция к кристаллизации монопольных позиций в сферах производства, торговли, экспорта, импорта и т.д., что не только не способствовало количественному росту среднего класса, укреплению его позиций и повышению его значимости в обществе (а, как известно, именно средний класс является самой надежной опорой и наиболее последовательной и динамичной движущей силой демократических преобразований), но и увеличивала неравенство как в плане экономических возможностей для разных социальных групп, так и в доступе к ресурсам. Более того, существующая и пока не демонтированная экономическая система не обеспечивает справедливого распределения плодов экономического роста (когда таковой имеется), что не позволяет радикально сократить бедность (и особенно крайнюю нищету). Она приводит к экономической, социальной и политической (а иногда и культурной) маргинализации и эксклюзии социально уязвимых групп, подрывает веру в социальную справедливость и тем самым делает невозможным социальную сплоченность и единство социума, усиливает тенденции радикализации и эмиграционные настроения.

Еще одним наглядным примером являются традиционные электронные СМИ, т.е. телевидение и радио (печатные СМИ уже давно не играют сколь-нибудь зачительной роли в армянском обществе). Хотя формально цензура отсутствует, основные вещательные СМИ находятся под плотным (чтобы не сказать “жестким”) контролем нескольких основных политических сил из числа как ранее, так и ныне правящих элит. Свободный рынок идей и мнений, который является ключевой отличительной особенностью демократического общества, пока еще резко ограничен. Вместо него наблюдается усиливающееся противостояние этих элит, перерастающее в информационную войну, которую инициируют и провоцируют прежде всего *деятели прошлого режима*, активно консолидирующие своих сторонников (многих из них в Армении уже называют “пятой колонной”), и *подконтрольные им СМИ*.

Совершенно очевидно, что пока еще не происходят процессы демократизации, либерализации и модернизации политического и гражданского сознания населения, что проявляется в радикализации позиций и методов политической борьбы, в склонности к усугублению конфликтов, проявлениях агрессии и насилия, отказе от диалога и конструктивных дискуссий.

Очевидно, что имеются серьезные основания говорить о все еще существующем “демократическом дефиците” и о неустранимой опасности “сжимания” демократического пространства в сегодняшней Армении.

Произносится немало слов о приоритете создания цифровой экономики и учреждении технопарков, но в целом - за небольшим исключением сектора ИТ - не наблюдается движение в сторону общества и экономики, основанных на знаниях. Научные и научно-прикладные исследования и разработки, наука в целом не являются приоритетом, в том числе социальные и политические науки, которые могли бы помочь понять общество, в котором мы живем, и направить его развитие в прогрессивное русло. Масштабная деиндустриализация привела к усилению элементов архаизации общества, что препятствует модернизации, в том числе и демократизации, последнего.

Разноплановые и разнопорядковые явления, которые происходят не только в Армении, в плане проблем с демократией, не укладываются в предложенную С. Хантингтоном парадигму “волн демократии”, точнее следующих за ними и значительно более слабыми и менее масштабными “обратными (reverse) волнами”⁶. Происходит не просто откат в сторону авторитаризма ряда стран, недавно предположительно вставших на путь демократизации (например страны на пост-советском пространстве). На наших глазах в глобальном масштабе происходит отход от классических принципов демократии, которая все больше превращается в **имитационную демократию**.

Те, у кого в руках находится власть и могущество на национальном, региональном или глобальном уровне, по своему усмотрению квалифицируют страны, правительства, политические партии, политические или общественные движения, процессы и т.д. как демократические или недемократические. Эту опасность я бы назвал феноменом **“назначенной демократии”**. Понятно, что ранее казавшиеся незыблемыми критерии и принципы не выдерживаются, а интерпретируются и применяются произвольно, подгоняются под потребности и интересы данных сил. Более того, эти процессы затронули и страны, традиционно являющиеся демократическими. Так что в этом плане Армения, можно сказать, находится в мировом тренде.

Если это применительно не только к Армении, но и целому ряду постсоветских стран, то может быть имеет смысл подумать о таком явлении, как **“консоциативная НЕ-демократия”**, например **“консоциативный авторитаризм”** или **“консоциативный недемократический плюрализм”**? Можно ли говорить о консоциативных элементах в неконсоциативных демократиях или в (хотя бы частично) авторитарных режимах?

---

⁶Huntington S., The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. – xvii, p.367.

Следует рассмотреть и второй ключевой компонент концепции – **многосоставность, четко выделяющиеся сегменты**. Ведь, согласно теории, они необходимы, причем речь идет, прежде всего, об этнических, религиозных, языковых и регионально-территориальных сегментах. Этнически Армения – моноэтническая страна (по официальной переписи 2011 г., свыше 98% жителей – армяне), так что о каких-то значительных этнических сегментах речь в принципе идти не может.

Религиозные общины так же вряд ли подпадают под категорию сегментов. Порядка 95% населения хотя бы номинально принадлежит к Армянской Апостольской церкви. Реальная численность других религиозных деноминаций и групп точно неизвестна. Большинство из них предпочитает держаться в тени. Вряд ли можно говорить о консенсусе элит в этом плане, если религиозные меньшинства и особенно их отдельные представители если и не преследуются открыто, то последовательно и постоянно подвергаются дискриминации, стигматизируются и в общественном дискурсе манифестируются как “секты”⁷, несмотря на то, что в правовом государстве – да и просто в цивилизованном обществе – данный термин не употребляется в современном контексте применительно к религиозным группам и общинам.

Два-три десятилетия назад можно было говорить о наличии субкультурных (и/или лингвистических) сегментов в армянском обществе. Но последовательная политика и практика вытеснения, подавления и де-факто принудительной (чтобы не сказать “насильственной”) ассимиляции некоторых субкультур⁸ обернулась успешной гомогенизацией, но не на базе высокой культуры. Исследователи более осторожны в своих оценках, а публицисты фиксируют тенденцию определенной культурной деградации некоторых социальных групп под воздействием ряда факторов, в том числе вымывания части культурного слоя нации в результате эмиграции, естественной убыли и сокращения масштабов воспроизводства носителей и творцов высокой культуры.

В настоящее время, как представляется, формируется несколько субкультур, особенно в среде прозападно-ориентированной молодежи, которая считает и иногда позиционирует себя как некую культурную альтернативу. **Возможно, эта тенденция отражает воздействие**

---

⁷ Ситуация коренным образом не изменилась и после “Бархатной революции”. См., например, “Human Rights in Armenia: 2018 Report.” Ditord/Observer. Yerevan: Helsinki Committee of Armenia, 2019, № 1 (73), p. 20-21.

⁸ Прежде всего – субкультуры русскоязычных ярмян, армян-беженцев из Азербайджана, в настоящее время – в значительно меньшей степени и в значительно более мягких формах – субкультуры сирийских армян и т.д.

культурной глобализации и/или последствия политики культуртрегерства (используя терминологию философии и культурной антропологии) или культурного империализма и экспансии (если воспользоваться терминологией неомарксизма).

Распространенность, количество субкультур и численность носителей этих субкультур неизвестна. Для ответа на эти вопросы нужны социологические и культурно-антропологические исследования, но традиционные методы исследования для подобных целей весьма ограничены. Если даже удастся выделить субкультуры, то у них (по крайней мере на данный момент) нет явных “элит”. Непонятно также, насколько дестабилизирующими могут быть последствия субкультурной сегментации и какие механизмы их преодоления могут быть задействованы. Так, например, голландский политолог Руди Андевег считает, что их можно нейтрализовать на уровне элит посредством немажоритарных механизмов разрешения конфликтов⁹.

Очень четко выделяющиеся сегменты в нашем обществе – это **социальноэкономические сегменты**, но они, во-первых, не выходят на первый план в теории консоциативной демократии (если вообще фигурируют) и, скорее, могут рассматриваться в марксистской парадигме, где о консенсусе элит антагонистических сегментов и речи быть не может. Во-вторых, эти сегменты являются вещью в себе. У них отсутствует, как сказал бы марксист, “классовое сознание”, а мы можем ввести термин “**сегментное сознание**”¹⁰. Иначе говоря, хотя они могут объективно существовать как сегменты, вследствие отсутствия этого сознания они до сих пор не конституировались в таком качестве, не могут быть должным образом представлены и избраны при пропорциональном принципе выборов, а в еще меньшей степени они обладают правом вето.

Таким образом, трудно совместить классическую модель консоциативной демократии с реалиями Армении. Ведь сам **Аренд Лейпхарт** указывал, что в число самых важных факторов, благоприятных для установления и поддержания консоциативной демократии – входят

---

⁹ **Andeweg Rudy. B.**, Consociational Democracy. // Annual Review of Political Studies, 2000, p. 509.

¹⁰ Очень важно не путать **сегментное** (или **сегментарное**) сознание с **сегментированным сознанием**! “Сегментное (сегментарное) сознание” является коллективным (в некоторых случаях оно может быть групповым или классовым) сознанием, тогда как “сегментированное сознание” представляет собой разновидность “расщепленного”, фрагментарного сознания.

*отсутствие сегмента “большинство” и отсутствие крупного социально-экономического неравенства*¹¹.

Само понятие консоциативной демократии применимо только к плюралистическим (неоднородным) обществам: там где имеются сегменты, главным образом этнические и/или религиозные. ***Неоднородность (плюральность) является центральной социально-политической характеристикой консоциативной демократии.*** Из теории Лейпхарта следует, что консоциативная демократия - это средство достижения социального мира и демократии в глубоко разделенных обществах, но только если сегментные элиты сговорчивы и демонстрируют склонность к компромиссам и уступкам (в его терминологии - “масштабная коалиция сегментных элит”).

Выше уже отмечалось, что в Армении по сути нет этнических сегментов как политических акторов. Существуют сегменты, которые потенциально могут стать политическими акторами в перспективе консоциативной демократии. Но они еще не стали таковыми. Это ***религиозные меньшинства, сексуальные меньшинства, женщины и социально-экономические группы*** (страты), которые в совокупности может быть и являются большинством, но разрозненным, неконсолидированным и “молчаливым”. Их можно назвать “***крипто-сегментами***”, так как они не только не являются частью политического ландшафта (и тем более – политической системы), но крайне редко появляются на радаре политической жизни. У них отсутствуют состоявшиеся и признанные элиты и т.д.

И, наконец, - и это важно - ***самая многочисленная группа среди “молчаливого” и отстраненного от власти большинства – женщины.*** Небезынтересен тот факт, что разработчики теории и модели консоциализма, уделяя внимание разным группам, обошли вниманием такую важную социально-демографическую группу, как женщины, несмотря на то, что концептуальное оформление теории консоциативной демократии пришлось на 1960-е годы – т.е. на пик “феминизма второй волны”.

Основная цель и задача консоциализма – обеспечить представленность и поделиться властью – посредством сотрудничества элит - с указанными меньшинствами и иными социальными группами, которые ранее не были представлены во власти или вообще были исключены из политического процесса. ***Но парадоксальным образом консоциализм до сих пор игнорирует гендерный фактор, несмотря***

---

¹¹ Lijphart A., Power-sharing in South Africa. Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1985, p. 119–128.

на давно установленный и ставший общепринятым (по крайней мере в рамках ООН и европейских структур) факт о гендерном равенстве как одном из краеугольных камней современной демократии.

Более того, акцентируя внимание на основных “традиционных” социальных группах и их элитах и на средствах и способах преодоления социальных разрывов и антагонизма между ними, концептуальная схема консоциативной демократии парадоксальным образом не только не способствует, но даже препятствует мобилизации и представленности тех групп, которые “растворены” в этих больших группах и, как правило, входят в состав более чем одной из них.

Предлагаю ввести термин - “*сегментариа́т*” для обозначения тех категорий лиц (прежде всего женщин), которые *игнорируются* в рамках традиционной интерпретации консоциальной сегментарной политической деятельности.

Обычно считается, что чем больше пересекаются группы (один и тот же человек включен в разные группы по социально-демографическим, экономическим, религиозным, этническим и т.д. признакам) и чем менее они изолированы друг от друга, тем ниже степень конфликтности и неприязни между группами. Но при этом не учитывается *сегментариа́т*, который при внешней пассивности, на самом деле радикализуется, что подготавливает почву к социальному, а, возможно, и политическому взрыву. Хотя в отличие от политического радикализма социальный радикализм, как отмечают российские исследователи С.Ф. Самойлов и М.Н. Насиров, не ставит целью борьбу за обладание государственной властью, тем не менее он акцентирует приоритет интересов какой-либо социальной группы перед интересами общества в целом¹². Показательно, что эти авторы включают феминизм (наряду с религиозным и экологическим радикализмом, расизмом, этноцентризмом и движением ЛГБТ) в категорию социального радикализма как его разновидность, сформировавшуюся на основе абсолютизации гендерного признака.

Следует отметить, что их трактовка феминизма является неверной, поскольку совершенно не соответствует действительности. На самом деле, *феминизм – это всего лишь отстаивание прав женщин на основе принципа равенства полов*. Даже так называемый “радикальный феминизм” нацелен на такое переустройство социума, которое *устраняет доминирование мужчин во всех сферах публичной и семейной жизни и патриархатное распределение гендерных ролей*. Иначе говоря, даже в случае “радикального феминизма” интересы отдельной социальной

---

¹² См.: **Самойлов, С.Ф. и Насиров М.Н.**, К проблеме различения понятий социального и политического радикализма // Общество: Политика, Экономика, Право, 2016, № 2.С.13-17.

группы не противопоставляются интересам общества в целом. Наоборот, обеспечение равенства прав и возможностей для обоих полов, внедрение эгалитарной гендерной культуры и устранение одиозных патриархатных пережитков не просто содействует демократизации социума, но является также одним из ключевых необходимых условий социального прогресса и становления современного демократического общества.

Вместе с тем, подход вышеназванных авторов интересен – с точки зрения теории консоциативной демократии – тем, что они вычленили женщин именно как сегмент, который при определенных условиях может радикализироваться.

Несмотря на наличие целого ряда дискуссионных вопросов применительно к консоциализму, последние, однако, не отменяют эвристический потенциал концепции консоциативной демократии и не требуют полностью абстрагироваться от лейпхартовской модели. Скорее, необходимо рассматривать ее в качестве *идеально-типической модели*, не как застывшую, кристаллизовавшуюся форму, но как **гибкий инструмент** социального познания, а, возможно, и социального преобразования и даже социального конструирования.

Вместе с тем, хотя классическая модель консоциативной демократии прямо этого не утверждает, не исключена и возможность применения ее инструментария как *механизма* для достижения демократии. Не случайно, иногда консоциализм рассматривают в качестве подходящей модели для транзитивного общества - находящегося в переходном периоде и где отсутствуют предпосылки для плавного функционирования принципа большинства¹³. Также и поэтому модель консоциативной демократии представляет особый интерес для Армении как страны, все еще находящейся в переходном периоде и переживающей целый ряд серьезных трансформаций. Более того, среди дополнительных консолидирующих факторов, сформулированных моделью консоциативной демократии, в Армении присутствуют следующие три: *малая численность населения, внешние угрозы, и лояльность всей стране, как правило, преобладает над сегментной лояльностью.*

Как представляется, исходя из нынешних реалий и проекции их на будущее, стандартные модели, методики и техники прогнозирования (*forecasting*) не дают оснований полагать, что нынешний тренд развития армянского социума позволит прийти в итоге к консоциативной демократии. Особенно наглядно это можно продемонстрировать в

---

¹³ См.: **Peters A.** A Plea for a European Semi-Parliamentary and a Semi-Consociational Democracy // European Integration online Papers (EIoP). 2003, Vol. 7, № 3. <http://eiop.or.at/eiop/texte/2003-003a.htm>.

сочетании *forecasting*'а с двумя другими основными традиционными методами стратегического планирования – с *Gap-анализом* (“*анализ разрывов*” или “*анализ пробелов*”), в рамках которого проводится сопоставление реальной ситуации и возможностей с постулируемыми желаемыми целями, и *SWOT-анализом*, который позволяет выявить и рассмотреть как внутренние факторы – сильные и слабые стороны акторов, а также внешние факторы – возможности и угрозы внешней по отношению к акторам среды. Поэтому, имеет смысл попытаться применить прямо противоположный подход – задействовать потенциал так называемого *backcasting*'а. Иначе говоря, создав мысленный конструкт – идеально-типическую, нормативную модель консоциативной демократии, - двигаться от нее обратно к социальной реальности и определить, что и как и на каком этапе нужно менять, с какими препятствиями придется столкнуться, на какие факторы опираться и какие интеллектуальные, идеологические, моральные, а также материальные, финансовые и технические ресурсы необходимо будет для этого задействовать.

Согласно этому идеально-типическому конструкту консоциативной демократии все меньшинства и иные сегменты полностью интегрированы в политическую и общественную жизнь, институты и систему в целом. Обеспечено их действительное, пропорциональное представительство в директивных и иных органах, особенно на уровне принятия решений. Это позволяет избегать радикализации недовольных социальных групп, появления экстремистских партий и программ (по крайней мере в массовом масштабе и обладающих привлекательностью и пользующихся определенной социальной поддержкой и симпатиями). Реализация данной модели также даст возможность возникающие противоречия преодолевать конструктивным путем, путем диалога, компромиссов, взаимного уважения и учета интересов и тем самым избежать социальных потрясений, катаклизмов и хаоса, отбрасывающих общество назад.

Но насколько возможна такая версия социальной инженерии в сложившихся в Армении на сегодняшний день условиях? Однозначный ответ на данный вопрос требует отдельного серьезного, междисциплинарного изучения. Не вызывает сомнения лишь тот факт, что при любом сценарии важнейшей предпосылкой и условием успешной реализации модели консоциативной демократии является наличие соответствующей воли у политического класса в целом, особенно у той его части, которая занимает господствующие позиции в ключевых сферах общественной жизни, и наличие массовой поддержки со стороны “явных” и “скрытых” сегментов.

Поэтому, в качестве заключения, имеет смысл напомнить высказывание А. Лейпхарта о том, что “улучшить как объяснительную, так и предсказательную силу консоциативной модели можно ... посредством выявления условий, которые способствуют всеобъемлющему сотрудничеству элит и стабильной поддержке групп, не входящих в элиты”¹⁴.

РЕЗЮМЕ

Возникновение консоциативной демократии в Армении осложнено глобальным отходом от классических принципов демократии, которая превращается в имитационную демократию, и распространением феномена “назначенной демократии”. Существуют сегменты, которые потенциально могут стать, но еще не стали политическими акторами: религиозные меньшинства, сексуальные меньшинства, женщины и социально-экономические группы, которые в совокупности может быть являются большинством, но разрозненным, неконсолидированным и “молчаливым” – тем самым “*крипто-сегментами*”, поскольку не являются частью политического ландшафта. Для обозначения групп, которые игнорируются в рамках традиционной интерпретации консоциальной сегментарной политической деятельности, можно ввести термин “сегментариат”.

Ключевые слова: консоциативная демократия, субкультурная сегментация, сегментное сознание, сегментариат, крипто-сегменты.

ԵՆԹԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՄԵԳՄԵՆՏԱՑԻԱՅԻ ԳՈՐԾՈՆՆ ՈՒ ԿՈՆՍՈՑԻԱՏԻՎ ԺՈՂՈՎՐԴԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ԻՂԵԱԼ-ՏԻՊԱՅԻՆ ՍՈՂԵԼԸ

Վլադիսլավ Օսիպով

*Փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ,
ՀՀ ԳԱԱ փիլիսոփայության, սոցիոլոգիայի և
իրավունքի ինստիտուտի ավագ գիտաշխատող*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հայաստանում կոնսոցիատիվ ժողովրդավարության ի հայտ գալու գործընթացը բարդանում է «նշանակված» ժողովրդավարությունը երևույթի և աշխարհում տեղի ունեցող ժողովրդավարության

---

¹⁴ Lijphart A., Democracy in plural societies; a comparative exploration. New Haven & London: Yale University Press, 1977, p. 54.

դասական սկզբունքներից հեռանալու պատճառով, ինչի հետևանքով ժողովրդավարությունը սկսում է կրել *խժ*

խտացիոն բնույթ: Կան սեգմենտներ, որոնք կարող են դառնալ, բայց դեռևս չեն դարձել քաղաքական դերակատարներ. կրոնական և սեռական փոքրամասնությունները, կանայք և սոցիալ-տնեսական խմբերը, որոնք միասին կազմում են մեծամասնություն՝ սակայն մասնատված, չկոնսոլիդացված և «լուռ», հետևաբար նրանք *կրիպտո-սեգմենտներ* են, քանի որ քաղաքական լանդշաֆտի մաս չեն կազմում: Կարելի է գործածել «*սեգմենտարիատ*» եզրույթն այն խմբերի համար, որոնք անտեսված են կոնսոցիատիվ ժողովրդավարության ավանդական մեկնաբանության շրջանակներում:

Բանալի բառեր. կոնսոցիատիվ ժողովրդավարություն, ենթամշակութային սեգմենտացիա, սեգմենտային գիտակցություն, սեգմենտարիատ, կրիպտո-սեգմենտներ:

FACTOR OF SUBCULTURAL SEGMENTATION AND IDEAL-TYPICAL MODEL OF CONSOCIATIONAL DEMOCRACY

Vladimir Osipov

Candidate of Philosophical Sciences,

Senior Researcher,

Institute of Philosophy, Sociology and Law NAS RA

SUMMARY

Emergence of consociational democracy in Armenia is complicated by global departure from classical principles of democracy, which becomes *imitational democracy*, and by proliferation of the phenomenon of *designated democracy*. There are segments which potentially could but has not yet become political actors, *viz.* religious and sexual minorities, women and socio-economic groups that together constitute a majority, albeit scattered, non-consolidated and “silent,” therefore *crypto-segments* as they are not part of the political landscape. The term *segmentariat* can be used for groups that are ignored within the framework of traditional interpretation of consociational democracy.

Keywords. consociational democracy, subcultural segmentation, segment consciousness, segmentariat, crypto-segments.